

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 98. «Меж ними – струистая лестница Леты»

Выпуск № 364

Марина Цветаева

Руки даны мне – протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы – давать имена,
Очи – не видеть, высокие брови над ними –
Нежно дивиться любви и – нежней – нелюбви.

А этот колокол там, что кремлёвских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, –
Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно быть –
Мне загоститься не дать на российской земле!

1916

Борис Пастернак

Памяти Марины Цветаевой

Мне так же трудно до сих пор
Вообразить тебя умершей,
Как скопидомкой миллионершей
Средь голодающих сестёр.

Что сделать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть.
В молчаньи твоего ухода
Упрёк невысказанный есть.

Всегда загадочны утраты.
В бесплодных розысках в ответ
Я мучаюсь без результата:
У смерти очертаний нет.

Тут всё – полуслова и тени,
Обмолвки и самообман,

И только верой в воскресенье
Какой-то указатель дан.

Зима – как пышные поминки:
Наружу выйти из жилья,
Прибавить к сумеркам коринки,
Облить вином – вот и кутья.

Пред домом яблоня в сугробе.
И город в снежной пелене –
Твоё огромное надгробье,
Как целый год казалось мне.

Лицом повернутая к Богу,
Ты тянешься к нему с земли,
Как в дни, когда тебе итога
Ещё на ней не подвели.

1943

Выпуск № 690

Василий Жуковский

19 Марта 1823

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.

Звёзды небес,
Тихая ночь!..

1823

Фёдор Тютчев

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землёю –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

1865

Выпуск № 318

Фёдор Тютчев

Я знал её ещё тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И всё ещё была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,

Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь её тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

1861

Иван Бунин

Печаль ресниц, сияющих и чёрных,
Алмазы слёз, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных, –
Всё помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных!

Откуда же являешься Ты мне?
Зачем же воскресаешь Ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,
Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг?

1922

Выпуск № 288

Борис Пастернак

В больнице

Стояли как перед витриной,
Почти запрудив тротуар.
Носилки втокнули в машину,
В кабину вскочил санитар.

И скорая помощь, минуя
Панели, подъезды, зевак,
Сумятицу улиц ночную,
Нырнула огнями во мрак.

Милиция, улицы, лица
Мелькали в свету фонаря.
Покачивалась фельдшерица
Со склянкою нашатыря.

Шёл дождь, и в приёмном покое
Уныло шумел водосток,
Меж тем как строка за строкою
Марали опросный листок.

Его положили у входа.
Всё в корпусе было полно.
Разило парами иода,
И с улицы дуло в окно.

Окно обнимало квадратом
Часть сада и неба клочок.
К палатам, полам и халатам
Присматривался новичок.

Как вдруг из расспросов сиделки,
Покачивавшей головой,
Он понял, что из переделки
Едва ли он выйдет живой.

Тогда он взглянул благодарно
В окно, за которым стена
Была точно искрой пожарной
Из города озарена.

Там в зареве рдела застава,
И, в отсвете города, клён
Отвешивал веткой корявой
Больному прощальный поклон.

«О Господи, как совершенны
Дела твои, – думал больной, –
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.

О Боже, волнения слёзы
Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознавать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».

1956

Фёдор Тютчев

Memento

Vevey 1859 – Geneve 1860

Её последние я помню взоры
На этот край – на озеро и горы,
В роскошной славе западных лучей, –
Как сквозь туман болезни многотрудной,
Она порой ловила призрак чудный,
Весь этот мир был так сочувствен ей...

Как эти горы, волны и светила
И в смутных очерках она любила
Своею чуткой, любящей душой –
И под грозой, уж близкой, разрушенья
Какие в ней бывали умиленья
Пред этой жизнью вечно молодой...

Светились Альпы, озеро дышало –
И тут же нам, сквозь слёз, понятно стало,
Что чья душа так царственно светла,
Кто до конца сберёт её живую –
И в страшную минуту роковую
Всё той же будет, чем была...

1860

Выпуск № 1207

Фёдор Тютчев

О, этот Юг, о, эта Ницца!
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может.
Нет ни полёта, ни размаху –
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

1864

Зинаида Миркина

Что может примирить со смертью?
Душа на целый мир – одна.
Душа как небеса разверста,
Душа как океан темна.

Что может примирить с утратой
Того, кто был нужней чем свет?
Душа на сто кусков разъята.
Душа совсем сошла на нет.

Что значат все слова в сравненьи
В обрывом в ноль, в сплошной провал?
Здесь невозможно примиренье.
Здесь прав лишь тот, кто замолчал.

Здесь есть один закон железный:
Всем утешениям – конец.
Но если вдруг в грудную бездну
Разверстую войдёт Творец...

Но если огонь творящий брызнет
В кромешной тьме, – всем крахам – крах.
Ведь творчество есть семя жизни
На смертью вспаханных полях.

2001

Выпуск № 330

Георгий Адамович

Ничего не забываю,
Ничего не предаю...
Тень несозданных созданий
По наследию храню.

Как иголкой в сердце, снова
Голос вещей услышать,
С полувзгляда, с полуслова
Друга в недруге узнать,

Будто там, за далью дымной,
Сорок, тридцать, – сколько? – лет
Длится тот же слабый, зимний,
Фиолетовый рассвет,

И, как прежде, с прежней силой,
В той же звонкой тишине
Возникает призрак милый
На эмалевой стене.

Фёдор Тютчев

Есть и в моём страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнёт, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрёт. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет лёгкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу –

Разбитый чёлн, заброшенный волною
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страдания
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял её, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, –

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, –

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

1865

Выпуск № 502

Лариса Миллер

Хоть бы памятку дали какую-то, что ли,
Научили бы как принимать
Эту горькую жизнь и как в случае боли
Эту боль побыстрее снимать.

Хоть бы дали инструкцию как обращаться
С этой жизнью, как справиться с ней –
Беспощадной и нежной – и как с ней прощаться
На исходе отпущенных дней.

1999

Арсений Тарковский

Памяти А. А. Ахматовой

И эту тень я проводил в дорогу
Последнюю – к последнему порогу,

И два крыла у тени за спиной,
Как два луча, померкли понемногу.

И год прошёл по кругу стороной.
Зима трубит из просеки лесной.
Нестройным звоном отвечает рогу
Карельских сосен морок слюдяной.

Что, если память вне земных условий
Бессильна день восстановить в ночи?
Что, если тень, покинув землю, в слове
Не пьёт бессмертья?

Сердце, замолчи,
Не лги, глотни ещё немного крови,
Благослови рассветные лучи.

1967

Выпуск № 1184

Фёдор Тютчев

И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилось вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Учёный пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит...

Вещает брэнность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землёй...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

1836

Марина Цветаева

из цикла «Разлука»

Смуглой оливой
Скрой изголовье.
Боги ревнивы
К смертной любви.

Каждый им шелест
Внятен и шорох.
Знай, не тебе лишь
Юноша дорог.

Роскошью майской
Кто-то разгневан.
Остерегайся
Зоркого неба.

=====

Думаешь – скалы
Манят, утёсы,
Думаешь, славы
Медноголосый

Зов его – в гущу,
Грудью на копья?
Вал восстающий
– Думаешь – топит?

Дольнее жало
– Веришь – вонзилось?
Пуще опалы –
Царская милость!

Плачешь, что поздно
Бродит в низинах.
Не земнородных
Бойся, – незримых!

Каждый им волос
Ведом на гребне.
Тысячеоки
Боги, как древле.

Бойся не тины, –
Тверди небесной!
Ненасытимо –
Сердце Зевеса!

1921

Зинаида Миркина

Этому ни вида, ни названья,
Это тьма и холод – ни-че-го.
Мы разбились о Твоё молчанье,
Мы не можем вынести его.

Умер Бог. И каждую минуту,
Каждый наш земной короткий час
Наступает очередь кому-то
Неприменно уходить от нас.

О, какая страшная дорога!
Как мы бьёмся лбами о судьбу,
Как мы молим умершего Бога,
Позабыв, что Он лежит в гробу.

«Боже мой, ответь мне! Слышишь, Боже?!»
Мы не помним, пьяные тоской,
Что кощунство – мёртвого тревожить,
Нерушимый нарушать покой.

Нас приводит в трепет, в содроганье
Мёртвых черт бестрепетная гладь.
Мы разбились о Твоё молчанье,
Но ещё не в силах замолчать.

И на круги возвращаться снова,
Не умеем, пав земле на грудь,
В недрах смерти отыскать живого,
Чтоб на третий день его вернуть.

И в сердца не входит слово «Верьте!»
И Осанна посредине тризн...

Как нам трудно справиться со смертью!
Как нам трудно погрузиться в жизнь!

Только Ты допил молчанья чашу,
Мы ж её пригубили едва.
Так прости оставленности нашей
Жалкие, бессильные слова!

Этот крик над тихою могилой
Перед тайной молчаливых трав...
Замолчать ещё не стало силы, —
Говорить — уже не стало прав.

Выпуск № 1091

Александр Блок

В голубой далёкой спальенке
Твой ребёнок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальенке —
Синий сумрак и покой,

Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

1905

Марина Цветаева

из цикла «Разлука»

Всё круче, всё круче
Заламывать руки!
Меж нами не вёрсты
Земные, – разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже –
Неотъемлем.

Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю!
Я только тяну их
– Без звука! –
Как дерево-машет-рябина
В разлуку,
Во след журавлиному клину.

Стремит журавлиный,
Стремит безоглядно.

Я спеси не сбавлю!
Я в смерти – нарядной
Пребуду – твоей быстроте златопёрой
Последней опорой
В потерях простора!

Тихонько
Рукой осторожной и тонкой
Распутая путы:
Ручонки – и ржанью
Послушная, зашелестит амазонка
По звонким, пустым ступеням расставанья.

Топочет и ржет
В осиянном пролёте
Крылатый. – В глаза – полыханье рассвета.
Ручонки, ручонки!
Напрасно зовёте:
Меж ними – струистая лестница Леты.

1921

Лариса Миллер

И замысел тайный ещё не разгадан
Тех линий, которые дышат на ладан,
Тех линий, какими рисована былль.
И линии никнут, как в поле ковыль.
Мелок, ворожа и танцую, крошится.
И легче легчайшего жизни лишиться.
Когда и не думаешь о роковом,
Тебя рисовальщик сотрёт рукавом
С туманной картинки, начертанной всуе,
Случайно сотрёт. Чей-то профиль рисуя.

1981

Выпуск № 933

Анна Ахматова

Бесшумно ходили по дому,
Не ждали уже ничего.
Меня привели к больному,
И я не узнала его.

Он сказал: «Теперь слава Богу», –
И ещё задумчивей стал.
Давно мне пора в дорогу,
Я только тебя поджидал.

Так меня ты в бреду тревожишь,
Все слова твои берегу.

«Скажи: ты простить не можешь?»
И я сказала: «Могу».

Казалось, стены сияли
От пола до потолка.
На шёлковом одеяле
Сухая лежала рука.

А закинутый профиль хищный
Стал так страшно тяжёл и груб,
И было дыханья не слышно
У искусанных тёмных губ.

Но вдруг последняя сила
В синих глазах ожила:
«Хорошо, что ты отпустила,
Не всегда ты доброй была».

И стало лицо моложе,
Я опять узнала его
И сказала: «Господи Боже,
Прими раба твоего».

1914

Александр Блок

На смерть деда (1 июля 1902 г)

Мы вместе ждали смерти или сна.
Томительные проходили миги.
Вдруг ветерком пахнуло от окна,
Зашевелился лист Священной Книги.

Там старец шёл – уже, как лунь, седой –
Походкой бодрою, с весёлыми глазами,
Смеялся нам, и всё манил рукой,
И уходил знакомыми шагами.

И вдруг мы все, кто был – и стар и млад, –
Узнали в нём того, кто перед нами,

И, обернувшись с трепетом назад,
Застали прах с закрытыми глазами...

Но было сладко душу уследить
И в отходящей увидеть веселье.
Пришёл наш час – запомнить и любить,
И праздновать иное новоселье.

Выпуск № 449

Вячеслав Иванов

Умер Блок

В глухой стене проломанная дверь,
И груды развороченных камней,
И брошенный на них железный лом,
И глубина, разверстая за ней,
И белый прах, развеянный кругом, –
Всё – голос Бога: «Воскресенью верь».

1921

Марина Цветаева

из цикла «Стихи к Блоку»

Не проломанное ребро –
Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навывлет
Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему – трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.

Лишь одно ещё в нём жило:
Переломленное крыло.

1921

Без зова, без слова, —
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришёл, — в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот — его — рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зёрна,
Кисейная сонная сень.

Не лавром, а тёрном –
Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
– И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром – труды.
Как в землю положен,
Быть может, – проспишь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих – вижу опять.
Такую усталость –
Её и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надёжная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

1921

Выпуск № 1173

Марина Цветаева

из цикла «Надгробие»

Удар, заглушённый годами забвенья,
Годами незнания.
Удар, доходящий – как женское пенье,
Как конское ржанье,

Как страстное пенье сквозь косное зданье
Удар доходящий.

Удар, заглушённый забвенья, незнания
Беззвучною чашей.

Грех памяти нашей – безгласой, безгубой,
Безмясой, безносой!
Всех дней друг без друга, ночей друг без друга
Землёю наносной

Удар – заглушённый, замшённый – как тиной.
Так плющ сердцевину
Съедает и жизнь обращает в руину...
– Как нож сквозь перину!

...Оконною ватой, набившейся в уши,
И той, законной:
Снегами – годами – пудами бездушья
Удар – заглушённый...

1935

Давид Самойлов

Прощание

Убившему себя рукой
Своею собственной, тоской
Своею собственной – покой
    И мир навеки!
Однажды он ушёл от нас,
Тогда и свет его погас.
Но навсегда на этот раз
    Сомкнулись веки.

Не веря в праведность судьбы,
Он предпочёл без похвальбы
Жестокость собственной судьбы,
    Свою усталость.
Он думал, что своё унёс,
Ведь не остался даже пёс.
Но здесь не дым от папирос –
    Душа осталась.

Не зря верёвочка вилась
В его руках, не зря плелась.
Ведь знала, что придёт ей час
    В петлю завиться.
Незнамо где – в жаре, в песке,
В святой земле, в глухой тоске,
Она повисла на крюке
    Самоубийцы.

А память вьёт иной шнурок,
Шнурок, который как зарок –
Вернуться в мир или в мирок
    Тот, бесшабашный, –
К опалихинским галдежам,
Чтобы он снова в дом вбежал,
Внося с собой мороз и жар,
    И дым табачный.

Своей нечёсаной башкой
В шапчонке чисто бунтовской
Он вламывался со строкой
    Заместо клича –
В застолье и с налёта – в спор,
И доводам наперекор
Напропалую пёр, в прибор
    Окурки тыча.

Он мчался, голову сломя,
Врезаясь в рифмы и в слова,
И словно молния со лба
    Его слетала.
Он был порывом к мятежу,
Но всё-таки, как я сужу,
Наверно не про ту дежу
    Была опара.

Он создан был не восставать,
Он был назначен воздавать,
Он был назначен целовать
    Плечо пророка.
Меньшой при снятии с креста,
Он должен был разжать уста,
Чтоб явной стала простота
    Сего урока.

Сам знал он, перед чем в долгу!
Но в толчее и на торгу
Бессмертием назвал молву.
    (Однако, в скобках!)
И тут уж надо вспомнить, как
В его мозгу клубился мрак
И как он взял судьбу в кулак
    И бросил, скомкав.

Убившему себя рукой
Своею собственной, тоской
Своею собственной – покой
    И мир навеки.
За всё, чем был он – исполать.
А остальному отпылать
Помог застенчивый палач –
    Очкарь в аптеке.

За подвиг чести нет наград.
А уж небесный вертоград
Суждён лишь тем, чья плоть, сквозь ад
    Пройдя, окрепла.
Но кто б ему наколдовал
Баланду и лесоповал,
Чтобы он голову совал
    В родное пекло.

И всё-таки страшней теперь
Жалеть невольника потерь!
Ведь за его плечами тень
    Страшной неволи
Стояла. И лечить недуг
Брались окно, и нож, и крюк,
И, ощетинившись вокруг,
    Глаза кололи.

Он в шахматы сыграл. С людьми
В последний раз сыграл в ладьи.
Партнёра выпроводил. И
    Без колебанья,
Без индульгенций – канул вниз,
Где все верёвочки сплелись
И затянулись в узел близ
    Его дыханья...

В стране, где каждый на счету,
Познав судьбы своей тщету,
Он из столпов ушёл в щепу.

Но без обмана.

Оттуда не тянул руки,
Чтобы спасти нас, вопреки
Евангелию от Луки
И Иоанна.

Когда преодолён рубеж,
Без преувеличенья, без
Превозношенья до небес

Хочу проститься.

Ведь я не о своей туге,
Не о талантах и т. п. –
Я плачу просто о тебе,
Самоубийца.

Выпуск № 1369

Анна Ахматова

Борису Пастернаку

1

И снова осень валит Тамерланом,
В арбатских переулках тишина.
За полустанком или за туманом
Дорога непроезжая черна.
Так вот она, последняя! И ярость
Стихает. Всё равно что мир оглох...
Могучая евангельская старость
И тот горчайший гефсиманский вздох.
Здесь всё тебе принадлежит по праву,
Стеной стоят дремучие дожди.
Отдай другим игрушку мира – славу,
Иди домой и ничего не жди.

1957

2

*Как птице, мне ответит эхо
Б. П.*

Умолк вчера неповторимый голос
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

1960

3

Словно дочка слепого Эдипа,
Муза к смерти провидца вела,
А одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьётся путь золотой и крылатый,
Где он вышнею волей храним.

1960

Давид Самойлов

Что ж ты заводишь
Песню военну,
Флейте подобно,
Милый снегирь?
Державин

Я не знал в этот вечер в деревне,
Что не стало Анны Андреевны,
Но меня одолела тоска.
Деревянные дудки скворешен

Распевали. И месяц навешен
Был на голые ветки леска.

Провода электрички чертили
В небесах невесомые кубы.
А её уже славой почтили
Не парадные залы и клубы,
А лесов деревянные трубы,
Деревянные дудки скворешен.
Потому я и был безутешен,
Хоть в тот вечер не думал о ней.

Это было предчувствием боли,
Как бывает у птиц и зверей.

Просыревшей тропинкою в поле,
Меж сугробами, в странном уборе
Шла старуха всех смертных старей.
Шла старуха в каком-то капоте,
Что свисал, как два ветхих крыла.
Я спросил её: «Как вы живёте?»
А она мне: «Уже отжила...»

В этот вечер ветрами отпето
Было дивное дело поэта.
И мне чудилось пенье и звон.
В этот вечер мне чудилась в лесе
Красота похоронных процессий
И торжественный шум похорон.

С Шереметьевского аэродрома
Доносилось подобие грома.
Рядом пели деревья земли:
«Мы её берегли от удачи,
От успеха, богатства и славы,
Мы, земные деревья и травы,
От всего мы её берегли».

И не ведал я, было ли это
Отпеванием времени года,
Воспеваньем страны и народа
Или просто кончиной поэта.
Ведь ещё не успели стихи,
Те, которыми нас одаряли,
Стать гневливой волною в Дарьяле
Или ветром в молдавской степи.

Стать туманом, птицей, звездой
Иль в степи полосатой верстой
Суждено не любому из нас.
Стихотворства тяжелое бремя
Прославляет стоустое время.
Но за это почтут не сейчас.

Ведь она за своё воплощенье
В снегиря царскосельского сада
Десять раз заплатила сполна.
Ведь за это пройти было надо
Все ступени рая и ада,
Чтоб себя превратить в певуна.

Всё на свете рождается в муке —
И деревья, и птицы, и звуки.
И Кавказ. И Урал. И Сибирь.
И поэта смежаются веки.
И ещё не очнулся на ветке
Зоревой царскосельский снегирь.